

Антропонимические модели в бытовой культуре и в эпических текстах (материалы по тюркским народам юга Западной Сибири)

Д.А. Функ

В досоветской и дохристианской антропонимической системе тюркоязычных народов Саяно-Алтая выделяются две достаточно резко различающихся модели образования и функционирования имен: реальные, повседневные и имена персонажей эпических (и шаманских) текстов. На хакасском материале это явное различие было в свое время отмечено В.Я. Бутанаевым: “Названия фольклорных героев резко отличаются от современных хакасских имен. Они, как правило, двух или трехсоставные. Богатыри носят титулы: хан – царь, тайчы – царевич, моке – силач, мирген – стрелок, тӧнгис – богач, молат – булат, а женские персонажи величаются: арыг – чистота, святость, хоо – красавица” (Бутанаев б.г.: 5).

Шорский же героический эпос и шорская бытовая антропонимия с этой точки зрения еще не исследовались. Одна из первых попыток в этом направлении была предпринята в 1990 г. лингвистом Н.Н. Курпешко. В заметке “Шорские имена” автор в качестве “шорских” привела как несколько действительно традиционных шорских имен, так и – в основном – имена эпических персонажей из шорских сказаний, включая имя эпической подземной злодейки *Шибэлдэй* (Курпешко 1990).

Применительно к именам эпических персонажей речь может идти не только о неоправданном смешении их с именами, известными в культуре шорцев XIX – первой трети XX в. Порой связанные с эпическими антропонимами неточности встречаются в самых неожиданных ситуациях и даже в добротных изданиях. Так, в каталоге шорских этнографических коллекций, хранящихся в музеях России, при описании одного из сложноатрибутируемых предметов (антропоморфная фигурка и конь, изготовленные из дерева) из коллекции Кунсткамеры читаем: “По сообщению Л.П. Потапова фигурки изображали Кезера – почитаемого героя, встречающегося в эпических сказаниях шорцев” (Шорцы 1998: 48). В данном случае перед нами набор слов, не имеющих отношения ни к духовной культуре шорцев по этнографическим данным,

Дмитрий Анатольевич Функ — д.и.н., заведующий отделом Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая.

ни к их героическому эпосу, ни к комментариям самого Л.П. Потапова. Персонаж по имени Кезер невозможно найти ни в одном из ранее опубликованных и даже в десятках архивных шорских эпических текстах.

Попутно, правда, можно заметить, что недавно от шорского сказителя В.Е. Таннагашева мне удалось-таки записать эпическое сказание “Ачазы кул’атпа тунмазы кул’ат”, в котором обнаружилось отрицательные персонажи с общим именем “девять Тонг-Кезеров” (*тогус Тоң-Кезерлер*). Несмотря на дополнительные разъяснения самого сказителя (он считает *Кезер* собственным именем), следует обратить внимание на то, что младший из этих кезеров действительно имеет собственное имя – Отуг-Кестик. В любом случае, этот образ ни в коем случае не может быть сочтен “почитаемым героем, встречающимся в эпических сказаниях шорцев”.

Если составители каталога ссылались на устное высказывание Л.П. Потапова, то, возможно, могло иметь место недоразумение именно с их стороны, поскольку Л.П. Потапов хорошо знал не только алтайский, но и шорский язык (его учителем был миссионер Терентий Каньшин). Слово *кезер* в шорском языке означает “силач”, или даже скорее “удалец”, “рубака, человек с саблей в руках” (в скобках отмечу, что в наиболее полном на сегодняшний день шорско-русском словаре это слово не зафиксировано (*Курпешко-Таннагашева и др.* 1993)). И, хотя в эпических текстах вместо него обычно используется термин *алыт*, *күлүк* и редко, как составная часть имени, – *матыр*, возможно, Потапов в принципе говорил об образе **богатыря-всадника** как основного персонажа шорского эпоса, назвав при этом богатыря по-шорски *кезер*.

Задачей этой статьи является демонстрация специфики “этнографической” и “эпической” антропонимических моделей на массовом материале¹. Сначала будут представлены обширные данные, длительное время целенаправленно собиравшиеся мной у тюрков Северного Алтая и Горной Шории (в основном у телеутов и челканцев, хотя частично также и у шорцев), т. е. охарактеризована антропонимическая модель, существовавшая у тюрков юга Западной Сибири в XVIII–XX вв., а затем будут приведены имена персонажей шорского героического эпоса, т. е. выявлена модель “эпическая”. В заключение, после того как будет установлена принципиальная разница между этнографическими и эпическими принципами именования, мы попытаемся все же показать отдельные точки их соприкосновения/пересечения и предложить варианты объяснения специфики эпических имен.

Поскольку географически и в плане этнической специфики культуры шорцы занимают промежуточное положение между бачатскими телеутами и челканцами, то недостаток шорских этнографических материалов вполне компенсируется обилием аналогичных данных, собранных мной у их ближайших соседей.

Начнем с материалов по челканской антропонимии (см. также: *Функ* 2000а). Основной для анализа послужили главным образом два вида источников. Первый из них – “Посемейное статистическое описание инородцев Кондомо-Шелкальской волости” за 1889 г. (ГАТО Ф. 234. Оп. 1. № 135. Л. 387–397), где были приведены фамилии и имена всех глав семей, домохозяев. Второй – расспросные сведения, полученные

мною во время поездок к челканцам Горной Шории и Северного Алтая в начале и конце 1980-х годов (Функ и др. 1990: 77–79; 1991: 30–33; Функ 1996: 242–265; 1997: 400–417). Помимо этого были выявлены и проанализированы некоторые иные как опубликованные, так и архивные материалы (фольклорные тексты, словари, хозяйственные книги и др.), содержащие интересующую меня информацию.

Традиционно минимальным и основным звеном челканской антропонимической модели было собственное имя человека. Как правило, в быту, в семье, среди соседей по айлу/улусу имени было достаточно.

В настоящее время мне известно всего около 170 традиционных имен (из них женских лишь 30). Приводимый ниже список, разумеется, не исчерпывает всего антропонимического фонда челканцев. Целенаправленная работа по записи генеалогий, поиск церковных метрических книг и т.п., вероятно, смогут его существенно расширить. Собственно говоря, особых границ в такого рода списках в отношении тюркоязычных народов Южной Сибири не существует. Основными причинами этого являются то, что 1) в принципе именем могло стать практически любое существительное из данного языка и 2) имена близких умерших родственников, как правило, не давались новорожденным, что способствовало малой повторяемости имен.

Здесь, однако, важно не впасть в крайность. При всей расплывчатости границ традиционного именника следует подчеркнуть все же наличие неких констант в нем. Анализ списков имен челканцев и других тюркских народов (ОРС 1947: 207–214; Функ 1990: 38–39; 1993: 299–300; ТОС 1995: 111–114²), в частности, народов Саяно-Алтая, свидетельствует о присутствии в них значительного пласта а) заимствованных монгольских, иранских и других имен, б) имен в настоящее время неэтимологизируемых, а также в) собственно тюркских имен, не меняющихся и сохраняющихся во времени порой в течение двух-трех столетий. По-видимому, эти традиционные антропонимические системы были не столь уж аморфными и непостоянными, как это может показаться при первом знакомстве с материалом.

Мужские имена

А Адмат (а)³, Адубай/Адыбай, Айдука (а), Алекпей, Алыш (а), Анашка (а) (от рус. Ананий?), Аный, Апый, Арчындай, Астам (а), Атмух, Атгач (а), Ахмет, Аянчи, **Б** Бадай, Байкечек, Байлешь, Байрам/Байрым, Бакай (а), Баксымай, Барай, Башнак (а), Баяк, Болгаш (а), **В** Вонак (а) **Г** Ганкеш (а)/Гонкеш (а) **Е** Ебиска (а), Едыжак (а), Елдош (а), Елес (а), Енке (а), Ермош (а) **К** Казак, Казакан (а), Казакоп, Кайдак, Кайрыач (а), Калейсек, Канай, Канис (а), Канык/Кынык, Карий (а), Карылеп/Карилеп, Кастыяк (а)/Костыяк (а), Качияк (а), Каштыяк (а), Каянак (а), Комнгоошь, Кужул, Кузлек (а)/Кужлек (а), Кучеряп (а), Кучугешь, Кызык, Кызыка, Кыр-тьодо **Л** Ликоп **М** Майгор/Майкор, Мака, Макрач (а)/Мокрач (а), Макчирка (а), Мамиток, Манакоп, Машутка, Момогажь (а), Мукулдай, Мултук, Мушпак, Мырсай **Н** Нааду, Натрус (а), Неначи (а) **О** Ойкичек, Орой (а) **П** Паган, Пайан (а), Пайна, Пайтан, Палам (а), Пал-

нак (а), Панка, Пасынке (а), Пиконак (а), Постой (а), Потпой, Почек (а), Прой (а), Пустукай (а), Пысынке (а) **Р** Руатей (?) (а), **С** Саадык, Садай, Сайка, Сакей, Сакеш, Самзарак (а), Санай, Санан, Санап, Сандияк (а), Сандра, Сангзар, Саней, Санпар (а), Санче (а), Саньке, Саразак, Сарысак, Сораз (а), Сточек (а), Строй(а), Сыразак (а) **Т** Таджок, Такен, Такеш (а), Такыр (а), Талбак (а), Тамка (а), Тере, Тодок, Тодорак (а), Тонгмыр, Точу (а), Триньке, Туганак, Тузурак (а) **У** Уванак (а), Уванька, Учубай (а) **Ч** Чабай, Чаванак (а), Чагаш, Чебонак (а), Чемок, Чулеп, Чын-тьодо **Ш** Шуйлеп **Э** Эликпей **Ю** Юна (а) **Я** Яича (?) (а), Янка (а), Яска.

Женские имена

А Агбанак, Айанак, Айбанак, Албанак, Аныйак, Аныс **К** Кандыкчы, Кара-кыс, Кешней, Куйгачак, Күскей **М** Марок, Марыс, Можок **Н** Назыр (а) **О** Ойбонок **П** Паланчы, Палачак, **С** Сапсанак, Суулак, Сынма **Т** Тожелдей, Торочок, Тадай, Тельбеш, Техтен, Тона (а), Тостийак, Тушка **Э** Энечей (а).

Насколько позволяют судить имеющиеся материалы, основные принципы имянаречения, выбора имени для новорожденного, были у челканцев сходными с другими тюркскими саяно-алтайскими. Помимо названного выше принципа неиспользования имен близких умерших родственников для имянаречения новорожденных, это:

1) у детей в одной семье иногда были близкие по звучанию имена, например, *Палачак, Паланчы, Палагей, Паланька*;

2) в именах могла “кодироваться” информация о времени, месте, обстоятельствах рождения ребенка. Например, *Мултук* (букв. “ружье”) родившийся на праздник Крещения; *Байрам* – родившийся на праздник; *Орой* – “поздний ребенок, последыш”;

3) имя могло быть дано и по каким-то отличительным чертам малыша, уже видимым родителям, или же просто в качестве пожелания “стать таким как...”. К этой группе, по-видимому, можно отнести такие имена, как *Арчындай* – “словно можжевельник”; имя-пожелание стоять на земле столь же крепко, как можжевельник; *Айанчы* – пожелание повидать землю, много путешествовать; *Астам* – пожелание всегда иметь выгоду, прибыль; *Кыр-тьодо* – “голенастый”;

4) женские имена были, как правило, более благозвучны. Для выбора имени не использовался пласт лексики, связанный с мужскими занятиями, промыслами, ремеслами, а также названия диких зверей.

Предварительный этимологический анализ имен позволяет выделить несколько групп, восходящих:

1) к названиям рыб, птиц и животных: *Кызык* – “телецкая сельдь”, *Сынма* – “рябчик”, *Кастый* < *кас* – “гусь”;

2) к названиям растений: *Арчындай* < *арчын* – “можжевельник”, *Паланчы* < *палан* – “калина”, *Кандыкчы* < *кандык* – “кандык”;

3) к названиям предметов быта: *Паган* – “столб”, *Тодорак* – “чрезсдельничек”,

Тере – “шкура”, *Талбак* – “шкура, используемая в качестве подстилки”, *Куйгачак* < *куйка* – “китайская пуговица”, *Мултук* – “ружье”;

4) к названиям частей тела: *Кыр-тьодо* – “большая голень”, *Чын-тьодо* – “настоящая голень”;

5) к названиям явлений природы, бытия вообще: *Самзрак* <др.-тюрк. (?) *сам-зар* – “круговорот жизни”⁴;

6) к терминам из области социальной жизни, включая терминологию родства: *Палам*, *Палачак* < *пала* – “ребенок”, *Сукас* – “незаконнорожденный”;

7) к названиям родов и этнических групп; в зависимости от мотивации мог быть использован и челканский геноним, например, *Комңоош* – название одного из тубаларских сеоков-родов; к этой группе в принципе могут быть отнесены и этноантропонимы типа *Казак*, *Казакан*, *Казакон* (< *казак* – “русский”);

8) к именам героев фольклорных, как правило, эпических произведений, например, *Пайан* (в отличие от эпического сказания о Козюйке и Байан-Сылу, в приведенных материалах это имя мужское).

Такого рода распределение свидетельствует о большой близости именника челканцев к именникам других сибирских народов, в которых исследователями выявлены практически те же самые группы. Подтверждается и точка зрения о ведущей роли в антропонимической системе нарицательных терминов, связанных, как правило, с основными элементами этно-экосистемы (*Терещенко* 1966; *Соколова* 1970; *Малиновская* 1996).

Несмотря на использование в большинстве возможных ситуаций общения собственного имени, его не всегда было достаточно. Ребенку или даже молодому парню или девушке при общении, например, со старым плохо видящим/слепым человеком, любому человеку при общении с кем-либо незнакомым (но челканцем) помимо своего имени следовало дополнительно сообщить о себе “я сын/дочь (внук/внучка) такого-то”, т. е. нечто вроде отчества. В архивных материалах XVII в. мы, вероятнее всего, встретим именно такую широко распространенную в это время в Сибири двухкомпонентную антропонимическую систему “личное имя + отчество”. Иногда в качестве “определителя” служили уличные прозвища конкретной семьи, восходящие к имени чем-либо известного/необычного предка (первопредка).

В XX в. традиционные челканские имена почти полностью исчезли. Начало этого процесса следует относить ко второй половине – концу XIX в., времени активного распространения православия и русской крестьянской культуры у челканцев. В статистических материалах 1889 г. число домохозяев с русскими именами достигало примерно трети (42 человека) от общего числа домохозяев, приписанных к Кондомо-Шелкальской вол. Среди 25 имен у этих 42 человек наиболее частыми были Иван (варианты – Ваня, Ванька), Николай и Данило – по 4, Илья – 3, Строй, Павел, Апонас, Атаман (вариант – Атман), Яков и Козьма – по 2. Остальные 15 имен встречались лишь по разу: Савин, Апяян, Евтей, Назар, Сафрон, Михей, Варлам, Гришка, Гордей, Антип, Петр, Константин, Егор, Матвей, Алексей.

На собственно челканской этнической территории процесс “обрусения” в данной сфере был не столь масштабен – здесь отмечено 29 русских имен; остальные 13 принадлежали жителям русифицированных районов Степного Алтая и низовьев р. Кондомы (села Макарьевское, Борбинское, Осиновское, Подкорчяк). Следует отметить, что часть заимствованных имен была адаптирована сообразно строю челканского языка и порой стала восприниматься как нечто свое, традиционное: *Анашка* – Ананий, *Мака* – Марк, *Сандра* – Александр, *Саньке* – Александр, *Аныс* – Анистья, *Марыс* – Мария.

Сто лет спустя, летом 1990 г., ситуация с традиционными и “русскими” именами выглядела уже следующим образом. В двух крупных, практически моноэтнических челканских селах – Курмач-Байгол (на 3–4 августа 1990 г. 96 челканцев) и Суронаш (на 1 августа 1990 г. 58 челканцев), было отмечено всего по 13 традиционных отчеств и одно мужское и два женских имени в первом селе и одно женское имя во втором. В Курмач-Байголе возраст обладателей отчеств, образованных от традиционных имен, колебался от 44 до 78 лет (1912–1946 гг. рождения)⁵, а в Суронаше от 42 до 77 (1913–1948 гг. рождения). Лишь у трех женщин на два села оказались традиционные имена и отчества: Ойбонок Чулеповна (1912 г.р.), Аныс Байкечековна (1926) и Марыс Каныковна (1932). Приведенные цифровые показатели позволяют достаточно уверенно говорить о том, что последние традиционные мужские имена были даны у челканцев в основном в конце 1910-х – начале 1920-х годов. Это позволило еще на какое-то время сохранить у послевоенного поколения несколько традиционных отчеств, но и только. Традиция наречения детей собственно челканскими именами была прервана, как минимум, на 70 лет. В связи с этим, а также с рядом иных экстраэтнических причин типа укрупнения поселков в связи с закрытием так называемых “неперспективных деревень” значительное число собственно этнографических и лингвистических проблем (например, о том, существовали ли локальные традиции именовании?) применительно к челканцам уже, видимо, невозможно рассмотреть.

Достаточно подробное рассмотрение принципов образования имен на челканском материале избавляет нас от необходимости повторять сказанное при характеристике практически таковой же модели у телеутов. Ограничусь здесь лишь собственно именником (в нем 208 мужских и 41 женское имя), собиравшимся мною по крупицам в конце 1980-х годов в ходе опросов пожилых телеутов и анализа архивных и, в меньшей степени, литературных источников.

Мужские имена

А Ааду, Абаш, Абак, Абек, Абдек, Абыш, Адару, Ады йок, Айдар, Айтпақы, Аксым, Актёш, Акча, Алабаш, Алаганчак, Алагыз, Алтарыш, Альмеш, Альчи, Анчош, Апир, Апурнак, Аре, Аргок **Б** Базан, Байгорок, Байлагаш, Байтай, Бакбаш, Бакша, Балык, Барай, Баскаул, Батай, Батанай, Баты, Батый, Бектен, Бергал, Бол, Болонок, Боотчак, Буйга **Г** Гавор, Гадой **Е** Елекей, Елтош, Енгула, Ерас, Ерен **И** Иймак, Иштен

К Кабай, Какон, Калан, Калкай, Калмак, Канакай, Капкара, Карай, Кармыжак, Кармыш, Картан, Карым, Кастык, Катамыл, Кильтей, Кобор (Гавор), Кобыс, Козымай, Койрук, Колчогош, Комон, Коктёш, Котон, Кочен, Кочубей, Көкө, Көчөй, Көккөнөш, Крылаш, Кубай, Кудай берди, Кузай, Кулдай, Курман, Кускоп, Кучумет, Кучугаш, Күндөй, Күртюй, Кыштым (Кештим) **Л** Латый **М** Макай, Макса, Макыш, Малай, Малка, Малюк, Мамрач, Мандыяк, Манзу, Мачик, Меткельчек, Мика, Мияс, Мокко, Момон, Моногош, Мукой, Мултык, Мурзан **Н** Наурчак **О** Окан, Олөк, Омеш, Оской, Оско, Оскот, Откон, Оштол **П** Паей, Пайгон, Пайгыш, Пайрам, Пазыяк, Парай, Пачай, Пачакай, Паштык, Петан, Поко, Покош, Пөнөк **С** Сабан, Саккай, Сарга, Саргадан, Сартай, Сары Кулак, Сары Баш, Сатлай, Семер, Семке, Смей, Собок, Согон, Сомсар, Сурнояк, Суртай, Сыланбай, Сыркаш **Т** Табазак, Табын, Тайлан, Татуш, Телек, Тельбес, Темиш, Тенбекей, Тенибек, Терей, Токмаш, Толтар, Тонгоур, Торгой, Торгоут, Тотыш, Тохтул, Туган, Тулой, Тултой, Турсун, Тушманак, Түдрек, Түдреш, Түжен, Тыт (Тытык) **У** Уделек, Урус, Уруска **Ч** Чабай, Чалкан, Черин, Чистан, Чогош, Чолкой, Чомон, Чонаш, Чоткара, Чөбөлкөп, Чуптай (Чуптай-Латый), Чымый **Ш** Шаадай, Шаврак (Шабурак), Шаади, Шакир, Шал, Шельпёк, Шудек, Шуур, Шурчак **Э** Эмек **Я** Якучак, Якуш, Ялта, Яманкоп, Ярсым.

Женские имена

А Адо, Айби, Ак Өштөй, Анёк, Ачак **К** Кара кыс, Карай, Картан, Кезек, Киштей, Койон, Күске, Кытан, Кычаш, Карлыгаш, Кур **М** Манак, Марка **Н** Нуунаш **О** Оймок, Очок **П** Пайдак, Паян, Паян сылу, Портой, Пёрюш **С** Сада, Сары кыс, Сырга **Т** Тана, Татуна, Тоойын, Тоота, Топчы, Түпчүк, Түстүк **У** Учюй **Ч** Чакама, Чечек **Э** Эрке / Эркей.

Телеутские имена являют собой прекрасный материал для анализа. В отличие от имеющихся челканских и шорских материалов они подтверждают в большинстве случаев факт образования фамилий от имен реальных первопредков, как правило, известных и по документам XVII–XVIII вв., и по устным генеалогиям. В приведенном мной списке значатся имена всех “основателей” телеутских фамилий: например, Шаврак>Шабураковы, Оско>Ускоевы, Оштол>Оштоловы (Хлопотины), Макса>Максимовы, Чогош>Чегошевы. Кроме того, среди выявленных встречаются такие имена, чье происхождение выходит за пределы тюрко-монгольского ареала. Возможность сопоставления таких имен, как, например, Канакай и Тыдык, с селькупской лексикой (Канакай< сельк. *канак* – “собака”, Тыдык<сельк. *тыдык* – “кедр”⁶) вполне обоснованна, учитывая факт сложения современных бачатских телеутов на базе аборигенных ач-кыштымских групп населения Кузнецкой котловины: в литературе же до сих пор говорилось о возможном самодийском субстрате ач-кыштымов лишь на основе анализа этнонимов.

Но вернемся, наконец, к шорскому материалу. Во время работ в поле и в архивах я не задавался целью собрать максимально возможное число шорских имен, тем бо-

лее что мне было известно: на начало XX в. такая работа уже выполнялась шорским писателем Ф.С. Чиспияковым по опросным данным⁷. Тем не менее анализ некоторых опубликованных и архивных посемейных описаний кузнецких татар⁸ в XIX в., а также незначительных в данном случае собственных полевых материалов подтверждает общность принципов образования традиционных имен у всех народов региона – шорцев, телеутов, челканцев, а также хакасов. Среди мужских шорских имен мне, например, известны всего 58:

А Абаш, Азры, Акоке (Ак-кооке), Амас, Анчак, Апечек, Атыс, Ачыке, **К** Канза, Капрол, Карак, Кара-Сагал, Каргей, Какуш, Карке, Карол, Кастанчы, Катай, Кичиг-оол, Киштебей, Кокан, Коргуш, Кучум, Куштай, Кыстай **М** Мажай, Манак, Мучай **О** Оймачы, Олак, Омске, Ооска, Очан, Очум **П** Паке **С** Сандей, Самёк, Саппаш, Сарыг, Сарыг-баш, Сыбыр **Т** Таймак, Такка, Теречек, Токмаш, Тордай, Торчак, Түүнек **У** Укас **Ч** Чаран, Чончул, Чүтек, Чойбан, Човаш (Чваш) **Ш** Шапкай, Шелтрек, Шулбай **Э** Эбиске.

В целом приведенных данных и предварительного анализа антропонимической модели у тюрков рассматриваемого региона, думается, достаточно для того, чтобы составить хотя бы общее представление о ее сути, если можно так сказать, “облике”, и принципах образования и функционирования.

* * *

Обратимся теперь к шорским эпическим текстам. Материалом для анализа в данном случае стали 66 эпических произведений⁹: восемь сказаний, опубликованных В.В. Радловым (*Радлов* 1866: 310–398), три – Г.Н. Потаниным (*Потанин* 1883: 556–583), семь – Н.П. Дыренковой (шесть из них с разной степенью полноты были изданы самой исследовательницей (Шорский фольклор 1940) и один текст – “Алтын-Кёок печелиг Каткан-Чула” – был опубликован мной (*Дыренкова* 1999: 129–140)), четыре – Г.Ф. Бабушкиным (*Бабушкин* 1940), шесть – А.И. Смердовым (*Ай-Толай* 1948), два – А.И. Чудояковым (Шорские героические сказания 1998), а также неопубликованные тексты, копии или оригиналы которых хранятся в моем архиве: один – из архива Н.П. Дыренковой (“Талашка туган Алтын-Торго”), восемь – из абаканского архива С.С. Торбокова и еще несколько текстов из моего личного архива (“Алтын-Онус”¹⁰, “Кан-Эргек”, “Алтын-Эргек”, “Алып-Кырдаc”, “Чекатый-алып” и “Алтын-Коста, Күмүш-Коста” в записи от М.Е. Токмагашевой; “Мерет-оолак” от Д.К. Турушпанова; “Кыдат-Кан” от А.П. Напазакова; “Алып-Карачын”, “Кускун кар’аттыг Алып-Кускун”, “Ачазы кул’атпа туңмазы кул’ат”, “Оң алыптың ымайнаң чайалған Кан-Кичей”, “Аттаң чабыс кан черген аттыг каннаң чабыс Кан-Мерген”, “Чабал Кан-Мерген”, “Кара-Кан”, “Керче ай-кар’ат” (“Кара-Кан”), “Казыр пор’аттыг Казыр-Салғынма кара пор’аттыг Кара-Салғын”, “Күннү көрген Күн-Кёок”, “Көк-Торчук”, “Кырык эмчектиг Кыдай-Арын”, “Салғын четпес сарыг сар’аттыг Сарыг-Кан”, “Четти пом сы кобырғай иштинге чөрчиған Сыр-Олең кыс”, “Улуғ-кичиг ак сар’ат”,

“Уш кулактыҕ ак кор’ат”, “Чабыс-Чапан”, “Чаш кул’аттыҕ Чаш-Кылыш”, и “Чылан-Тоочы” от В.Е. Таннагашева). Кроме этого, были использованы все краткие отрывки¹¹ и пересказы эпических текстов, а также названия всех известных мне на сегодняшний день эпических сказаний – по архивным записям (архив Н.П. Дыренковой¹² – около 40 текстов и алтайский архив С.С. Торбокова – 25 текстов), упоминаниям в различных публикациях и главным образом на основе собственных полевых материалов, собиравшихся начиная с 1981 г. Во всех случаях, даже при наличии в некоторых публикациях указателя имен, я обязательно сверялся с текстом оригинала на шорском языке (разумеется, когда эти оригиналы удавалось найти), чтобы избежать неточностей.

Следует заметить, что полное имя богатыря/богатырши в эпических сказаниях практически всегда бывает развернутым, раскрашенным различными эпитетами и – обязательно – с указанием на масть и иные отличительные особенности коня, на котором он или она ездит¹³. В данном случае я осознанно ограничиваюсь лишь собственными именами в целях большей наглядности сравниваемых материалов из традиционной этнографии и из эпических текстов.

Практически все 100% выявленных имен персонажей шорских эпических сказаний являются двусоставными. Большая часть их (здесь приведено более 300 имен) может быть сгруппирована по формальным признакам, например, на основании наличия в составе имени какой-либо устойчивой части, условно говоря, “форманта”.

Наиболее крупные группы образуют имена, имеющие в качестве одной из составных частей (I) название металла, (II) обозначение цвета, (III) титул, должность, сан, (IV) некие физические характеристики богатыря/богатырши, включая указания их возраста.

Приведу здесь выявленные имена, сгруппировав их по названным группам.

Названия металлов

Алтын – “золото”: Алтын-Арыҕ, Алтын-Доолый, Алтын-Кёок, Алтын-Күдрү, Алтын-Кан, Алтын-Картыҕа, Алтын-Кас, Алтын-Кес, Алтын-Кириш, Алтын-Коожу, Алтын-Коста, Алтын-Куш, Алтын-Күн, Алтын-Кыйгылык, Алтын-Кылыш, Алтын-Кырыш, Алтын-Мёккө, Алтын-Маңдай, Алтын-Мас, Алтын-Мерик, Алтын-Ок, Алтын-Ооҕус, Алтын-Пёрүк, Алтын-Перисте, Алтын-Пурба, Алтын-С(ы)рык, Алтын-Сабак, Алтын-Салгын, Алтын-Саранчы, Алтын-Сом, Алтын-Суучу, Алтын-Түлгү, Алтын-Тайчы, Алтын-Талай, Алтын-Талба, Алтын-Тана, Алтын-Тарак, Алтын-Тас, Алтын-Таш, Алтын-Тек, Алтын-Тона, Алтын-Тоңус, Алтын-Топчу, Алтын-Торҕу, Алтын-Торкуй, Алтын-Торкул¹⁴, Алтын-Ульбек, Алтын-Чүстүк, Алтын-Чайзаң, Алтын-Чапка, Алтын-Чарык, Алтын-Чобе, Алтын-Чылтыс, Алтын-Шакпын, Алтын-Шалғым, Алтын-Шап(п)а, Алтын-Шачак, Алтын-Шур, Алтын-Эргек.

В двух случаях формант “алтын” отмечен в конечной позиции имен: Ай-Алтын и Сар-Алтын.

Чес – “медь”: Чес-Алып, Чес-Картыҕа, Чес-Кулак, Чес-Пилек, Чес-Шимилдей.

Күмүш – “серебро”: Күмүш-Кан, Күмүш-Картыға, Күмүш-Коста, Күмүш-Кылыш, Күмүш-Мас, Күмүш-Сом, Күмүш-Тек, Күмүш-Шачак.

Тебир – “железо”: Тебир-Алып, Тебир-Кан, Тебир-Картыға, Тебир-Кириш, Тебир-Шебельдей.

Наименее продуктивными оказались форманты **Молат/Молот** – “булат, сталь”: Ай-Молат, Ак-Молат; Кара-Молот, Тоң-Молот, Чаш-Молот; **Шойун** – “чугун”: Кара-Шойун, Шойун-Тас; **Кола** – “бронза, олово”: Кола-Кырыш, Кола-Сарығ, Колазы-Кан.

Обозначения цвета

Ак – “белый, священный”: Ак-Көбөлөк, Ак-Кан, Ак-Кобек, Ак-Койвук, Ак-Көшеге, Ак-Ой-Тас, Ак-Өлең, Ак-Сағал, Ак-Салғын, Ак-Свечин, Ак-Торғу.

Кара – “черный, настоящий”: Кара-Кабырға, Кара-Кайыш, Кара-Казан, Кара-Кан, Кара-Кат, Кара-Картыға, Кара-Килиш, Кара-Кылыш, Кара-Мең, Кара-Мөккө/Мөкке, Кара-Молот, Кара-Моңус, Кара-Моос, Кара-Оолак, Кара-Петикей, Кара-Пилек, Кара-Пулак, Кара-Пурба, Кара-Пурбу¹⁵, Кара-Сабак, Кара-Салғын, Кара-Сипечин, Кара-Сулазы, Кара-Сыбас, Кара-Сырык, Кара-Торғу, Кара-Түртүс, Кара-Чайзан, Кара-Шибельдей¹⁶, Кара-Шоин (Кара-Шойун).

В одном случае зафиксировано слитное написание имени с формантом “кара” – Карадас, и еще в нескольких с формантом в финальной позиции – Мөңгүс-Кара, Узун-Кара, Чабыс-Кара.

Көк – “синий, зеленый”: Көк-Адай, Көк-Кан, Көк-Картыға, Көк-Өлең, Көк-Пөрүк, Көк-Пуралтай, Көк-Сабак, Көк-Салғын, Көк-Пурба, Көк-Талай, Көк-Таш-Мерген, Көк-Торғу, Көк-Шмелдей.

Формант “көк” отмечен также в финальной позиции: Коодыр-Көк (Кодур-Көк), но, поскольку это имя зафиксировано в письменном тексте, можно предполагать неточность: вместо Көк следует читать Көк.

Весьма незначительное число вариантов имен отмечено с такими формантами, как:

Сарығ – “желтый”: Сарығ-Кан, Сарығ-Кат, Сарығ-Кестик, Сарығ-Салғын, Сарығ-Тана, Сары(ғ)-Топчу, Сарығ-Торғу;

Ала – “пестрый”: Ала-Картыға, Ала-Манык;

Куба – “бледный, бледно-желтый”: Кубазы-Куш, Куба-Салғын;

Күрең – “бурый”: Күрең-Кылыш, Күрең-Шоль;

Кызыл – “красный”: Кызыл-Кан, Кызыл-Свечин, Кызыл-Тас;

Кыр – “серый”: Кыр-Өлең, Кыр-Өрекен;

Пора(зы) – “серый”: Ай Поразы-Кан, Поразы-Оолак.

Термины из области “социальной культуры”

Кан – “хан”: Кан-Абакай, Кан-Адай, Кан-Алып, Кан-Арго, Кан-Карачак, Кан-Кес, Кан-Кичей, Кан-Көк, Кан-Кыйган, Кан-Кылыш, Кан-Перген, Кан-Пуркан, Кан-

Сабак, Кан-Сарыг, Кан-Сулазы, Кан-Свасын, Кан-Табата, Кан-Тона, Кан-Топчу, Кан-Торғу, Кан-Чайзаң, Кан-Чалтыс, Кан-Шабар, Кан-Эргек.

Многие имена образованы с использованием того же “форманта” в финальной позиции: Аяс-Кан, Ак-Кан, Борбокай-Кан, Каады-Кан, Кадыг-Кан, Кара-Кан, Карағат-Кан, Кемис-Кан, Колазы-Кан, Көк-Кан, Кузеген-Кан, Кузенья-Кан, Кумазы-Кан, Күн-Кан, Кыдат-Кан, Кызыл-Кан, Кырчаған-Кан, Кыс-Кан, Моос-Кан, Мүндүр-Кан, Өлбөс-Кан, Пий-Кан, Пуғур-Кан, Свет-Кан, Челсары-Кан, Чылан-Кан, Эмчыл-Кан.

Пий – “бий”: Пий-Кан, Пий-Көөк (Пий-Көк), Пий-Колак, Пий-Торғу, Пий-Чайзаң.

Тайчы – “тайши, наследник хана”: Алтын-Тайчы, Аран-Тайчы, Кыргыз-Тайчы, Олең-Тайчы, Чаран-Тайчы, Чаргын-Тайчы, Эрес-Тайчы, Эркин-Тайчы.

Тас – “слуга, букв.: плешивец”: Ак-Ой-Тас, Алып-Кырдаc, Алтын-Тас, Кирби-Тас, Кор-Тас, Кызыл-Тас, Матыр-Тас, Шойун-Тас.

Чайзаң – “зайсан”, в эпосе – “управляющий ханскими табунами”: Алтын-Чайзаң, Кан-Чайзаң, Кара-Чайзаң, Пий-Чайзаң, Чайзаң-Арыг.

Физические характеристики, возраст богатыря/богатырши

Перген/Мерген – “меткий стрелок, ловкий охотник”: Кан-Мерген, Кан-Перген, Караты-Перген, Картыға-Перген, Краты-Крчаты-Мерген, Кыстай-Мерген, Тенди-Перген, Чаштан-Перген, Шайғын-Мерген.

Алып – “богатырь, богатырша”: Алтын-Алып, Алып-Ай-Көк, Алып-Күрелдей, Алып-Кырдаc, Алып-Челбеген, Алып-Шаадай, Кан-Алып, Кара-Алып, Когей-Алып, Кускун-Алып, Кыс-Алып, Чеек-Алып, Чекатый-Алып, Чес-Алып.

Матыр – “богатырь”: Матыр-Тас.

Казыр – “сильный”, “жестокий”: Казыр-Кан-Мерген, Казыр-Килиш, Казыр-Көөк, Казыр-Тек, Казыр-Тоо.

Кат – “баба”: Кара-Кат, Сарыг-Кат.

Мөкө/Мөккө/Мүкү – “силач”: Ай-Мөкө, Алтын-Мөкө, Кара-Мөкө/Мөккө, Мүндүр-Мөккө, Мүссү-Мөкө, Өктемеш-Мөкө, Өрлемечек-Мүкү, Үлгер-Мөкө.

Оолак (ооғус) – “молодой парень”: Ак-Оол, Алтын-Ооғус¹⁷, Кара-Оолак, Кан-Оолак, Көгей(Көккей?)-Оолак, Мерет-Оолак, Өкүс-Оолак, Свет-Оолак, Сыбас-Оолак, Чес-Оолак, Човаш-Оолак.

Чаш – “молодой”: Чаш-Көөк, Чаш-Кайа, Чаш-Кускун, Чаш-Кылыш, Чаш-Пилек, Чаш-Салгын, Чаш-Тайга, Чаш-Шмельдей.

Производительными в шорском эпосе являются также такие форманты, как

Ай – “лунный”: Ай-Арыг, Ай-Кан, Ай-Кылыш, Ай-Мөкө, Ай-Маңыс, Ай-Мечик, Ай-Моғыс, Ай-Мос (Ай-Моос), Ай-Перген, Ай-Караған, Ай-Поразы-Кан, Ай-Сабак, Ай-Толай, Ай-Эргек;

Арыг – “чистая”: Ай-Арыг, Айдаң-Арыг, Алтын-Арыг, Көгей-Арыг, Күн-Арыг, Кыдай-Арыг, Пайан-Арыг, Пустай-Арыг, Свет-Арыг;

Кööк – “кукушка”: Алтын-Кööк, Кемис-Кööк, Кодыр-Кööк (?), Когей(Кökкей?)-Кööк, Куук-Кööк, Пий-Кööк, Чаш-Кööк;

Пуркан – “бурхан, божество”: Кан-Пуркан, Талай-Пуркан.

Встречаются в сказаниях и имена, которые не входят в выделенные выше группы, хотя часть из них используется достаточно часто в разных эпических текстах. Из стоящих наособицу имен можно назвать, например, следующие: Казан-Салтой, Каткан-Чула, Кемис-Торчук, Кенчи-Кыс, Когой-Маас, Куру-Баш, Кыл-Шмелдей, Кырган-Кылыш¹⁸, Кыстан-Колчук, Очу-Кушка, Очы-Каракчын, Пеке-Салгын, Поро-Нинджи(ль), Пуспас-Пулан, Сыр-Öлең, Тузур-Кайа, Чабак-Арыш, Чабыс-Чапан¹⁹, Чеппе-Салгын, Чылан-Моңус, Эр-Кулатай и др.

Несмотря на обширность²⁰, приведенный здесь именник нельзя считать полным; он вполне может расширяться (хотя, думаю, незначительно) за счет включения новых имен в выделенные здесь группы или в группу редких/случайных имен.

Принципы группировки эпических имен, разумеется, могут быть и иными, например, по таким часто используемым формантам, как *картыға* – “ястреб”, *кылыш* – “меч”, “сабля”, *салгын* – “ветер”, *өлең* – “трава” и т.д., или же основываться на исключительной принадлежности каких-то имен богатырям-мужчинам, а каких-то – лишь женским персонажам сказаний; на различии в эпических именах определений-эпитетов (первая часть имени) и основной части (вторая часть имени)²¹.

Думаю, здесь нет необходимости дополнительно останавливаться на этимологии всех приведенных мной имен. Большая часть их этимологически довольно прозрачна (впрочем, оставим это занятие лингвистам и специалистам по эпической ономастике). Важнее подчеркнуть очевидный вывод, следующий из изложенного выше материала: перепутать или смешать эпический и этнографический именники невозможно.

Тем не менее следует отметить, что несколько точек соприкосновения у эпической и этнографической антропонимии все же имеется. Здесь необходимо будет выйти за рамки шорских материалов и привлечь данные по другим саяно-алтайским тюркам.

Во-первых, в наиболее полных, записанных мной челканских генеалогиях, уходящих корнями в XVI–XVII вв., в исторических преданиях о времени вхождения предков современных тюркских народов региона в состав Русского государства или в еще более раннем легендарном материале у шорцев и хакасов встречаются иногда двусоставные имена (шорское Тебир-Кириш, челканское Кыр-Тьодо и др.) (*Потопов* 1949; *Функ* 1996). Но и эти факты нельзя принимать в качестве безоговорочного подтверждения предположения о существовании в прошлом принципиально иной антропонимической модели, зафиксированной в эпосе. Надо учитывать вероятность того, что как в эпосе, так и в легендах и преданиях, а также в генеалогиях, в которых, как минимум, ранние пласты всегда или почти всегда тесно сопряжены с фольклором, могла найти отражение, условно говоря, “фольклорная антропонимическая модель”, за редким исключением не использовавшаяся в повседневном быту.

Во-вторых, имеются также некоторые варианты составных, в том числе и современных, имен, например, у алтайцев, хакасов, тувинцев, а в прошлом также и у шорцев, типа *Кара-кыс*, или *Кичиг-оол*. Несмотря на то, что они в основном являются конструкцией типа “имя + сын/дочь”, или же характеризуют новорожденных по таким признакам, как цвет глаз, волос, лица, т. е. не могут считаться полным аналогом эпических антропонимических конструкций, но и здесь есть точки соприкосновения. Эпосу, в частности, шорскому, также известны подобные конструкции. В качестве примера можно назвать “имя+оолак (парень)”: Мерет-оолак, С(ы)бас-оолак и т.п.

В-третьих, следует обратить внимание на то, что в эпосе при образовании составных имен хоть и изредка, но все же используются элементы, известные по этнографическим материалам и историческим документам в качестве реальных имен. К таким именам относятся, например, Шаадай (Алып-Шаадай), Чаштан (Чаштан-Перген), Тана (Алтын-Тана), Тона (Кан-Тона), Топчу (Кан-Топчу), Пилек (Алтын-/Кара-/Чаш-Пилек) (все пять названных здесь имен персонажей шорских сказаний встречаются среди телеутских антропонимов). Ранее такой же вывод был сделан О.В. Субраковой на хакасском материале: у современных хакасов были отмечены такие “эпические” имена как Айдолай, Көкетей, Торалдай, Чибетей (первые четыре имени имеют, скорее всего, монгольское происхождение), Тана, Нинчи, Мирген (Субракова 1977: 123).

Несмотря на выявление некоторых элементов сходства эпической и этнографической антропонимических моделей, все же следует еще раз повторить, что в целом они различны.

Восходит ли эпическая антропонимическая модель к периоду, предшествующему освоению Сибири Русским государством, однозначно сказать трудно. В какой-то мере, вероятно, да. Шорский героический эпос, равно как и эпические сказания других народов Саяно-Алтая, несмотря на свой, как принято считать в отечественном эпосоведении, народный характер, отразил главным образом жизнь и быт не просто народа, а его предводителей – ханов и биев²² средневековья; разумеется, жизнь и быт в преломлении сквозь призму столетий, представлений о том времени и о ханской жизни, какое могло быть у простых народных сказителей. И потому сравнивать антропонимическую модель героев эпоса с именами задавленных поборами и данью охотников, рыболовов и собирателей дикоросов XVII–XIX вв., видимо, не вполне корректно.

Аналоги ей, скорее всего, следует искать в высокой поэзии древних тюрков, в эпитафиях на могилах тюркских ханов-каганов. Действительно, в орхонско-енисейских эпитафиях известны имена, образованные по типу “имя + хан (др.-тюрк. *каган*)”, “имя + бек”, “алп + имя”. Например, в Большой надписи памятника Кюль-Тегину находим: Бумын-каган, Истеми-каган, Ильтериш-каган, Баз-каган, Барс-бек, Йегин-Силиг-бек, Алп Шалчы (Стеблева 1965: 74–85, 110–123), что полностью соответствует трем распространенным типам эпических имён. Знают древнетюркские эпитафии, наряду с односложными (нетюркскими?) именами, и характерные для рассматриваемых нами эпических сказаний имена двусоставные: Кюль-Тегин, Улуг-Иркин (Стеблева 1965) и др.

Многие культурные реалии героических сказаний саяно-алтайских тюрков, по крайней мере, на тысячу лет старше того этнографического времени, когда этот эпос был впервые записан. Учет этого обстоятельства – иначе говоря, отказ от попыток найти в эпических богатырских сказаниях летопись истории и культуры прямых древних или недавних предков той или иной современной этнической группы – позволит, на мой взгляд, достаточно адекватно подходить к анализу этого яркого феномена культуры тюркских народов региона.

Примечания

Статья подготовлена в рамках проекта “Шорика”: “Создание электронного корпуса шорских текстов (литературных и образцов устной речи) с целью сохранения материалов исчезающего языка и его лингвистическое описание” (ННИО-РФФИ, 2000–2001 гг.; рук. М. Эрдал и А.В. Есипова). Под названием “Anthroponymic Patterns in Traditional Social Culture and in Epic Texts (based on a study of Turkic peoples of Western Siberia)” она была впервые опубликована в сборнике под редакцией М. Эрдала “Das Schorische und sein Umfeld: Dokumentation und Bewahrung südsibirischer Türksprachen” (Wiesbaden, 2005).

¹ Говоря о массовости, с сожалением приходится констатировать, что я вынужденно опирался в основном на собственные данные, поскольку эта тематика слабо представлена в российской этнографии и ономастике на Саяно-Алтайском материале.

В истории науки известна также попытка составить единый свод огромного множества тюркских имен. В 1932 г. Венгерская Академия наук даже объявляла специальный конкурс на выполнение проекта “Ономастикон тюркских антропонимов и этнонимов”. Конкурс выиграл Ласло Рашони (László Rásonyi), собравший в итоге более 60 000 имен и их вариантов, использовавшихся тюркскими народами со времен начал тюркской истории до первой половины XX в. Труд этот до сих пор не опубликован. Составленный же Имре Башки на основе первичной обработки картотеки Рашони свод тюркских имен выглядит недостаточно продуктивным (Baski 1986; я искренне благодарен Агнеш Бирталан, от которой получил эту книгу в подарок). Без указания на источник, где было обнаружено имя, без этнической привязки имен, без выделения собственно антропонимов и этнонимов использование такого рода сводов становится практически невозможным. Это обстоятельство стало еще одним поводом для обращения именно к собственным полевым материалам.

² В последнем случае список имен составлялся, вероятно, независимо от уже опубликованных мной материалов: мужские имена представлены в нем очень скромно, хотя женских имен, надо признать, составительницам телеутско-русского словаря удалось отыскать чуть больше, чем мне.

³ Пометка (а) означает, что данное имя встретилось мне лишь в архивных материалах.

⁴ Санскритское *samsāga* было заимствовано в древнетюркском как *sansag* (я благодарен за этот комментарий И.А. Невской).

⁵ Исключение составляет одна женщина 1959 г. рождения, дочь единственного в тот год мужчины на два села, носившего традиционное (?; во всяком случае, не христианское) имя Калейсек.

⁶ Оба слова впервые были обнаружены мной в селькупско-русском словаре, составленном

на базе говора селькупов д. Иванкино, в рукописных материалах Т.К. Кудряшовой (п. Тогур Колпашевского р-на Томской обл.). Позже значения обоих слов были перепроверены по моей просьбе К.Г. Шаховцовым.

⁷ Устное сообщение сына Федора Степановича Чиспиякова лингвиста Э.Ф. Чиспиякова, ныне покойного, у которого хранилась эта тетрадь со списком шорских имен и который сам собирался представить их лингвистический анализ в большой статье.

⁸ Так обычно именовались группы родов в верховьях р. Томи, часть которых вошла в состав шорцев.

⁹ Аналогов такого рода работы – с привлечением для анализа столь значительного числа эпических текстов – во всяком случае, применительно к эпосу тюрков Саяно-Алтая, нет.

Наиболее крупным сводом эпических имен саяно-алтайских тюрков долгое время оставался “Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся во втором томе образцов народной литературы тюркских племен, собранных В.В. Радловым”, составленный Н.Ф. Катановым (СПб., 1888. IV, 84 с.), в котором были представлены и этимологизированы имена эпических персонажей из хакасских и урянхайских эпических текстов.

В последней четверти XX в. лингвисты неоднократно обращались к характеристике эпического ономастикона народов Южной Сибири, достигнув наиболее серьезных результатов, на мой взгляд, применительно к эпосу бурят (см., напр.: *Филиппова* 1974; *Санжеева* 2000).

Из тюркских материалов профессиональному лингвистическому анализу, насколько мне известно, подвергались лишь хакасские (см., напр.: *Субракова* 1977: 117–123 [здесь автор дала собственную классификацию 100 имен эпических персонажей]; см. также кандидатскую диссертацию О.В. Субраковой (1978)) и некоторые среднеазиатские эпические тексты (*Абдурахманов и др.* 1967: 177–197; *Боронов* 1988).

¹⁰ Этот текст частично опубликован (*Функ* 2000б).

¹¹ К их числу относятся и несколько десятков стихов из сказания “Казыр-Тоо”, записанного Л.Н. Арбачаковой от В.Е. Таннагашева; я использовал лишь первые 98 фраз этого текста, размещенных на свободном доступе в Интернете (Казыр-Тоо).

¹² Подробно о составе архива см.: *Функ* 1999.

¹³ Вопрос о том, на каких конях (и не только на конях!) ездят эпические богатыри, чрезвычайно интересен и заслуживает специального рассмотрения. Предварительные материалы по этому вопросу приводились мною ранее (*Функ* 1993: 266–267; 2003).

¹⁴ В сказании “Алтын Сырык” (вариант П.И. Кыдыякова) в указателе имен значится лишь Алтын Торкуй (Шорские героические сказания 1998: 452), хотя в шорском тексте этот же персонаж дважды явно (это оформлено и грамматически) назван иначе – Алтын-Торкул.

¹⁵ Это имя встретилось в сказании “Кан Перген” (вариант П.И. Кыдыякова). В оригинале текста, расшифрованном А.И. Чудояковым, значится именно Кара Пурбу. Винительный падеж, в котором дважды употреблено это имя – Кара Пурбуну – попал по ошибке в качестве именительного (основного) падежа и в русский перевод текста, и в указатель имен (Шорские героические сказания 1998: 284, 450).

¹⁶ Известны разные варианты произношения и написания этого имени, например, Кара Шмелдей.

¹⁷ Возможно, это имя следует писать как *Алтын-Оңус* и в этом случае оно не может быть включено в группу с формантом “оолак”.

¹⁸ С формантом “кырган” мне известны два эпических имени (кроме названного см. также Кырган-Тайчы). Впрочем, это имя могло бы быть включено в довольно представительную

группу с формантом “кылыш” (“меч”, “сабля”), и в этом случае оно также могло бы быть исключено из группы редких имен.

¹⁹ В одноименном сказании это было подставным именем; настоящее имя богатыря – Алтын-алып.

²⁰ Здесь приведена большая часть выявленных мной имен эпических персонажей.

²¹ Последний принцип был использован О.В. Субраковой при характеристике имен персонажей хакасских эпических сказаний. Так, в “основной части” имен (обычно это имена существительные или субстантивированные прилагательные) были выделены шесть основных типов терминов, обозначающих: 1) нечто положительное: *арыг*, 2) меткость, силу и могущество богатырей: *мирген, алып, моке*, 3) понятия, определяющие то, из чего состоит предмет: *молат, нинчи, торгы*, 4) социальное положение героев: *хан, тас, тайчы, сайзаң*, 5) названия животных и растений: *хартыга, киикчин, кёок, хусхун, ёлен, порчо*, 6) термины полового различия: *хыс, иней/кёкчин, апсах*. Следует отметить, что исследовательница использовала подробную классификацию (по “лексико-семантическим группам”), разбив имена не только на две больших группы (первая и вторая часть имени), но и выделив в общей сложности 14 подгрупп (Субракова 1977: 117–122).

²² Возможно, здесь необходимо видеть социокультурную инверсию, что может свидетельствовать именно о народности эпоса.

Литература

- Baski* 1986 – *Baski I.* A Preliminary Index to Rásonyi's Onomasticon Turcicum. Вр., 1986. 159 p.
- Абдурахманов и др.* 1967 – *Абдурахманов Д., Бектемиров Х.* Ономастика узбекских дастанов // Узбекское народное творчество. Ташкент, 1967. С. 177–197.
- Ай-Толай* 1948 – *Ай-Толай.* Героические поэмы и сказки Горной Шории. Новосибирск, 1948.
- Бабушкин* 1940 – *Бабушкин Г.Ф.* Шор ныбактары. Новосибирск, 1940.
- Боронов* 1988 – *Боронов А.А.* Антропонимы в киргизском героическом эпосе “Манас”. Автореф. дис. канд. филол. наук. Алма-Ата, 1988. 19 с.
- Бутанаев б.г.* – *Бутанаев В.Я.* Хоорай аттары / Личные имена хакасов. [Б.м., б.г.].
- ГАТО – Государственный архив Томской области. Ф. 234. Оп. 1. № 135. Л. 387–397.
- Дыренкова* 1999 – *Дыренкова Н.П.* Шорская героическая сказка “Каткан-Чула, имеющий старшую сестру Алтын-Коок” / Подготовка к публикации Д.А. Функа // Народы Российского Севера и Сибири. Сибирский этнограф. сб. № 9. М., 1999. С. 129–140.
- Казыр-Тоо* – *Казыр Тоо* (Шорское героическое сказание). Сказитель: Таннагашев Владимир Егорович. Запись и перевод текста: Арбачакова Любовь Никитовна // *Shorica* (<http://shoriya.ngpi.rdtc.ru>).
- Курпешко* 1990 – *Курпешко Н.Н.* Шорские имена // Литературный Кузбасс. 1990. №4. С. 32–34.
- Курпешко-Таннагашева и др.* 1993 – *Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я.* Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово, 1993.
- Малиновская* 1996 – *Малиновская С.М.* Древнеселькупская антропонимия // Имя и этнос. М., 1996. С. 99–103.
- ОРС 1947 – Ойротско-русский словарь / Сост. Н.А. Баскаков и Т.М. Тошакова. М., 1947.
- Потанин* 1883 – *Потанин Г.Н.* Очерки северо-западной Монголии. Вып. 4. СПб., 1883.
- Потанов* 1949 – *Потанов Л.П.* Опыт датировки шорского предания о происхождении земле-

- деля // Изв. Всесоюз. Географ. об-ва. М.; Л., 1949. Т. 1. Вып. 2. С. 411–414.
- Радлов 1866 – Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен ... Ч. 1: Под-наречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб., 1866.
- Санжеева 2000 – Санжеева Л.Ц. Ономастика эпоса “Гэсэр”. Дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2000.
- Соколова 1970 – Соколова З.П. О происхождении обско-угорских имен и фамилий // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970. С. 268-278.
- Стеблева 1965 – Стеблева И.В. Поэзия тюрков VI-VIII веков. М., 1965.
- Субракова 1977 – Субракова О.В. Собственные имена персонажей в хакасском героическом эпосе // Вопросы хакасской филологии. Абакан, 1977. С. 117-123.
- Субракова 1978 – Субракова О.В. Язык хакасского героического эпоса. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Алма-Ата, 1978.
- Терещенко 1966 – Терещенко Н.М. Собственные имена людей у ненцев // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып.3. М., 1966.
- ТОС 1995 – Телеут-орус созлик. Телеутско-русский словарь / Сост. Л.Т. Рюмина-Сыркашева и Н.А. Кучигашева. Кемерово, 1995.
- Филиппова 1974 – Филиппова Н.И. Собственные имена персонажей якутского олонхо и бурятского улигера // Вопросы языка и литературы народов Сибири. Новосибирск, 1974. С. 151-155.
- Функ 1990 – Функ Д.А. Материалы к своду антропонимов бачатских телеутов // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований. 1988-1989 гг.: Тез. докл., Ч.2. Алма-Ата, 1990. С. 38-39.
- Функ 1993 – Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М., 1993.
- Функ 1996 – Функ Д.А. Из материалов этнографической поездки к челканцам в августе 1990 г. // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. Вып.2. М., 1996. С. 242-265.
- Функ 1997 – Функ Д.А. Трансформация этнических идентификаций тюрков (аборигенов) юга Западной Сибири // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 400-417.
- Функ 1999 – Функ Д.А. Из истории изучения шорского эпоса (Записи и публикации Н.П. Дыренковой 1925-1940 гг.) // Народы Российского Севера и Сибири. Сибирский этнографический сборник, 9. М., 1999. С. 120-128.
- Функ 2000а – Функ Д.А. Традиционная антропонимическая модель челканцев // Челканцы в исследованиях и материалах XX века. М., 2000. С. 137-146.
- Функ 2000б – Функ Д.А. Отрывок из шорского эпического сказания “Алтын Огус” // Итоги полевых исследований. М., 2000. С. 222-238.
- Функ 2003 – Функ Д.А. Молочно-белые кони в героическом эпосе таёжных охотников, рыболовов и собирателей // Этнографическое обозрение, 2003, №3. С. 53-60.
- Функ и др. 1990 – Функ Д.А., Функ И.И. О структуре сеока /рода/ у челканцев // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований. 1988-1989 гг.: Тез. докл., Ч.2. Алма-Ата, 1990. С. 77-79.
- Функ и др. 1991 – Функ Д.А., Функ И.И. К вопросу о процессах трансформации родовой структуры у челканцев // Этническая история и культура народов Советской страны: Всесоюз-

- ная научная конференция молодых ученых: Тез. докл. Омск, 1991. С. 30-33.
- Шорские героические сказания 1998 – Шорские героические сказания. М.; Новосибирск, 1998.
- Шорский фольклор* 1940 – *Шорский фольклор*. Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н.П. Дырэнковой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
- Шорцы* 1998 – *Шорцы*. Каталог этнографических коллекций музеев России. Ч.5. Духовная культура. Кемерово, 1998.

© Этнографическое обозрение Online. Май 2005
(<http://journal.iea.ras.ru/online>)